

Взрывъ на Бурунь-Табіѣ.

Въ мірѣ всегда случается, что рядомъ съ радостью неизрѣнно находится и горе: таковъ, видно, законъ человѣческаго существованія.

И въ жизни русскаго воинства, среди мирной его обстановки, иногда бывають случаи, которые страшною болью отзываются въ сердцахъ всѣхъ членовъ его, а такъ же и всего русскаго народа. Одинъ изъ такихъ прискорбныхъ случаевъ былъ 12-го іюля 1901 года въ г. Батумѣ, на береговой батарее «Бурунь-Табіэ»: тамъ взорвало большой минный складъ.

Какъ выяснилось, въ погребѣ было 85 минъ, начиненныхъ пироксилиномъ. Нижніе чины, подполковникъ Кренке и поручикъ Есиповъ были заняты приготовленіемъ къ практической орудійной стрѣльбѣ, которая была назначена на 13-е іюля.

Повѣдаю вамъ, Царю вѣрные слуги, объ этомъ прискорбнѣйшемъ обстоятельстве такъ, какъ съ самого мѣста происшествія сообщаютъ о немъ на страницахъ военнаго журнала ¹⁾.

¹⁾ Развѣдчикъ, 1901 г., № 565.

Стоялъ жаркій день. Время близилось къ полудню. Подходили къ концу предобъденныя войсковыя занятія. На Бурунъ-Табѣ артиллерія уже отстрѣляла. Замѣшались только музыканты и небольшая команда (6 чело-вѣкъ) минеръ, работавшая въ минныхъ казематахъ. Часть музыкантовъ, разсѣвшись близъ этихъ казематовъ, обѣдала на столикъ подъ тѣнью деревь, только небольшая горсть ихъ еще работала съ капельмейстеромъ на дворѣ. Батарейный караулъ обѣдалъ на галлерейкѣ у своего помѣщенія, находившагося бокъ-о-бокъ съ минными казематами. Изъ семьи фельдфебеля были дома ребенокъ и теща. По площади Азизіе мимо горжи батареи только что прошли съ пѣсней 75 солдатъ Михайловскаго крѣпостнаго пѣхотнаго баталіона, обучавшихся на минной пристани греблѣ и плаванію. Выступили они нѣсколько позже—едва ли кто изъ нихъ уцѣлѣлъ-бы подъ градомъ обломковъ, рухнувшихъ на площадь. Въ палисадникѣ артиллерійскаго флигеля играли три мальчика, два изъ семьи офицера крѣпостной артиллеріи Корватавскаго, а третій ихъ гость, гимназистъ. По площади мимо нихъ танулся ломовой извозчикъ, вели лошадей крѣпостной пожарной команды съ водою, часть этой пожарной команды въ ближайшемъ переулкѣ возилась съ запряжкой штабнаго экипажа. Не ожидая для себя несчастія, игралъ невдалекѣ въ саду стараго собора ребенокъ. Въ палаткахъ на 2-мъ дворѣ батареи обѣдали люди 6-й артиллерійской роты. Всѣ перечисленные люди были на волосокъ отъ смерти. Въ квартирѣ подполковника Кренке оставались только прислуга и маленькій ребенокъ, а жена съ двумя другими дѣтьми купалась въ морѣ близъ середины Батумскаго бульвара, будучи почему-то увѣрена, что мужъ находится въ морѣ на минномъ ученіи.

Проходившіе въ разное время по батарее солдаты видѣли постепенный ходъ минныхъ работъ въ казематахъ. Видѣли какъ пришла съ офицерами минная команда, какъ люди сняли сапоги, одѣли войлочные туфли, отперли казематъ, вынесли и разостлали брезентъ, на него высыпали изъ боченка порохъ, развѣсили его на принесенныхъ вѣсахъ, рассыпали по небольшимъ мѣшечкамъ, мѣшечки вложили въ мины, а пороховую пыль, собравъ съ брезента, высыпали въ воду канавки. Потомъ видѣли какъ посланный минеръ принесъ гальваническій элементъ и другіе приборы, и работа продолжалась въ казематѣ. Видѣли, какъ на свѣтъ, къ отверстию каземата минеры бережно подтаскивали мины, клали ихъ на доски, чтобы не стереть съ нихъ краски, и возились около нихъ подъ руководствомъ одного офицера въ то время, какъ другой, сидя на стулѣ противъ отверстія въ казематъ и внутри

этого послѣдняго, читалъ что-то по большой тетради, должно быть по наставленію для производства минныхъ работъ. Въ то же время слесарь возился около оконныхъ рамъ снаружи миннаго каземата.

— Куда идешь?—спрашивалъ въ это время одинъ крѣпостной артиллерійскій офицеръ другого.

— На Бурунтабію повѣрять карауль,—отвѣчалъ тотъ.

— Подожди минуту, у меня къ тебѣ есть дѣло,—сказалъ первый.

Тотъ задержался на минуту—и только поэтому уцѣлѣлъ.

Страшно, двумя ударами, слѣдовавшими быстро другъ за другомъ, громы-хнулъ взрывъ. Высоко, высоко всталъ къ небу столбъ чернаго дыма, облако котораго тотчасъ заволокло ближнія пространства къ батарее. Осколки камня, обломки минъ, листы желѣза, глыбы земли, обрывки людей взвились на воздухъ или понеслись тучей въ стороны. Земля содрогнулась и заколебалась какъ при сильномъ землетрясеніи; остановились часы; сильныя волны воздуха выбили въ городѣ массу оконныхъ стеколъ, кое-гдѣ грохнулись рамы, попадали люди... Но больше всего пострадали отъ разлета осколковъ. Первый дворъ представлялъ наиболѣе ужасную картину разрушенія. Тутъ не осталось во многихъ мѣстахъ квадратнаго вершка не пробитаго обломками. Кровельные желѣзные листы обвивали причудливо стволы исковерканныхъ деревьевъ. Минные и жилые казематы съ минерами, карауломъ, семей фельдфебеля—разрушены. Двери въ обширное зарядохранилище батареи выбиты и туда брошены горячіе обломки. По двору батареи разбросаны куски обуглившася и кроваваго человѣческаго тѣла. Стены раненыхъ наполняютъ этотъ хаосъ обломковъ, густо закутанный дымомъ, сквозь который мелькаютъ зловѣщіе огоньки пожарища. За насыпью во второмъ дворѣ стонутъ два солдата, пораженные въ палаткахъ своихъ прилетѣвшими камнями. У артиллерійскаго флигеля въ полисадникѣ мечутся трое искалѣченныхъ, съ оторванными и пораненными конечностями мальчиковъ, мальчикъ на церковномъ дворѣ уналъ замертво, лишившись глаза, выбитаго камнемъ, солдатъ крѣпостной пожарной команды валяется съ перебитыми ребрами. Вся площадь Азизіе засыпана обломками и обрывками тѣлъ, офицерскіе флигеля, пожарная команда, старый соборъ, училище и другіе дома сильно избиты обломками взрыва. На всей площади города оказались раненые. Всего пострадало людей:

1. Убито: 2 офицера (Кренке и Есиновъ), бывшіе въ минныхъ казематахъ, 6 человекъ бывшихъ съ ними минеръ, 15 человекъ артиллерійскаго караула и музыкантовъ артиллеріи, ихъ кашлемейстеръ Гаупманъ, ребенокъ

и теща изъ семьи фельдфебеля. Всего убито 26 человекъ и всѣ на первомъ дворѣ батареи.

2. Ранено: на первомъ же дворѣ батареи и на второмъ 17 артиллерійскихъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ 5 тяжело, при чемъ одинъ скоро умеръ. Вообще на батарее еще набралось 18 человекъ столь легко раненыхъ, что они обошлись безъ помощи госпиталя. Въ пожарной командѣ крѣпости ранено 2-е людей и три лошади, одинъ человекъ тяжело (брамтмейстеръ). Въ офицерскомъ артиллерійскомъ флигелѣ ранено легко 2 офицера, и тяжело три вышеупомянутыхъ мальчика.

Въ остальномъ городѣ были только раненые, числомъ до 13-ти человекъ, трое болѣе значительно и 10 столь легко, что обошлись безъ больницъ. Въ военный госпиталь былъ доставленъ домовой извозчикъ, раненый въ ногу, а въ городскую больницу мальчикъ, которому выбило на церковномъ дворѣ глазъ, и легко ранена женщина, скоро выписывшаяся.

Зданія вѣ батареи получили небольшія поврежденія, больше всего выбито стекло, кое-гдѣ выбиты рамы, пробиты крыши и стѣны.

Но велики были испугъ и нравственныя страданія людей, испытавшихъ ужасы взрыва, и раздирательныя сцены человѣческихъ жертвъ.

Все бросилось сломя голову къ Бурунтаби почти тотчасъ за взрывомъ. Прибѣжало и начальство. Говорятъ, большинство растерялось при видѣ ужасовъ на 1-мъ батарейномъ дворѣ. Явилась крѣпостная пожарная команда поливать горящія остатки. Но всетаки, говорятъ, долго чувствовалось, что всѣ усилія идутъ въ разбродъ, и никто не беретъ на себя роли властно распоряжаться, чтобы работа спорилась.

Въ такія минуты выдвигаются люди истиннаго геройства и мужества.

Старшій фейерверкеръ 6-й роты Романъ Казиміровичъ Ханузинскій, видя, что изъ каземата набитаго болѣе чѣмъ 520-ю пуд. пороховыхъ зарядовъ идетъ дымъ и виденъ огонь, самоотверженно бросился туда и затушилъ горѣвшее, спасши всѣхъ отъ другаго еще болѣе страшнаго взрыва.

Докторъ крѣпостной артиллеріи необыкновенно энергично, неустанно, въ дыму и среди хаоса обломковъ подавалъ помощь раненымъ и руководилъ ихъ выносомъ.

Наконецъ, часовой Егоръ Буцыкинъ, чудомъ пережившій ужасы происшедшаго близъ него взрыва и раненый, не потерялъ ни на іоту хладнокровія и мужества, чтобы поступить такъ, какъ предписываетъ законъ, т. е. остаться на посту, когда всюду слышались крики что вотъ—вотъ последуютъ новые

взрывы изъ дымящихся развалинъ, и когда толпы народа, набившагося къ Бурунтабѣ, безъ различія классовъ и чиновъ въ паникѣ дрогнули и побѣжали.

Какъ гласить приказъ отъ 21-го іюля за № 244, 12-го іюля взрывомъ, происшедшемъ на батарее литеры «А» Михайловской крѣпости (Батумъ), были убиты, въ числѣ другихъ, начальникъ караула и разводящій. Въ виду сего часовой канониръ Егоръ Будыкинъ не оставилъ своего поста и былъ снятъ съ онаго лишь по полученіи Высочайшаго о томъ повелѣнія, послѣ 14^{1/2} часовой безпрерывной службы на посту.

По доведеніи изложеннаго случая до свѣдѣнія Государя Императора, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ пожаловать «молодцу» канониру Буцыкину — золотую медаль на Георгіевской лентѣ для ношенія на груди.

Воины православные, Царю вѣрные слуги! Поистинѣ прискорбнѣйшее событіе произошло съ вашими товарищами въ г. Батумѣ, при исполненіи ими своего служебнаго долга Царю и Россіи! Перекрестившись за упокой душъ убитыхъ воиновъ, скажемъ имъ вѣчную память; вѣрится, что имъ теперь лучше, чѣмъ оставшимся въ живыхъ: вѣдь они умерли за Батюшку-Царя, а потому и великая награда—Царство небесное ожидаетъ ихъ предъ престоломъ Создателя...

А самоотверженному герою, фейерверкеру Роману Хандзинскому и «молодцу» канониру Буцыкину, нынѣ Георгіевскому кавалеру, прокричимъ, братцы, «ура», потому что своимъ въ высшей степени мужественнымъ поведеніемъ среди всеобщей паники, гдѣ смерть кругомъ царила, они явили примѣръ твердой дисциплины въ Русской арміи и сознательнаго отношенія къ служебному долгу, которые не могутъ быть поколеблены даже исключительными обстоятельствами. Ура! Ура! Ура!

Военный священникъ Василій Ягодинъ.